

Научная статья

УДК 340.12

doi: 10.17223/1998863X/84/11

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ МОРАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ГУМАНИЗМА, ГЕДОНИЗМА И ТРАНСГУМАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Игорь Иванович Тазин

*Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Томск, Россия, igor.i.tazin@tusur.ru*

Аннотация. Исследуются противоречия в понимании природы гуманизма и их влияние на вопросы технико-правового воздействия на личность. На основе теории естественного права проведен синтез идей гуманизма, гедонизма и трансгуманизма. Отражены актуальные правовые вопросы, связанные с изменением биологической природы человека. Определены комплексные критерии пределов технико-правового воздействия на личность.

Ключевые слова: гуманизм и трансгуманизм в праве, теория естественного права, технологии улучшения человека, этические проблемы медицинского права

Для цитирования: Тазин И.И. Проблема взаимопроникновения моральных принципов гуманизма, гедонизма и трансгуманизма в контексте теории естественного права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 123–135. doi: 10.17223/1998863X/84/11

Original article

CORRELATION OF THE MORAL PRINCIPLES OF HUMANISM, HEDONISM AND TRANSHUMANISM IN THE NATURAL LAW THEORY CONTEXT

Igor I. Tazin

*Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation,
igor.i.tazin@tusur.ru*

Abstract. The subject of the research is the relations between moral principles humanism, hedonism and transhumanism in the context of Natural Law Theory. This article reflects new aspects of Natural Law Theory through the combination of these ideas. The aim of the research is to adopt Natural Law Theory to the conditions and requirements of contemporary culture and technical progress. The methodological basis of the research is the logical and systematic methods of scientific knowledge, as well as methods of analysis and synthesis, formal-dogmatic and comparative-legal methods. This article deals with contradictions between humanism and hedonism. They show ambiguity of humanism due to its equal understanding of hedonism in legal culture. Within the framework of this approach, anything that a person likes is declared humane even if it harms one. The process of interpenetration of the principles of humanism and hedonism completes in transhumanism theory. But pure transhumanism has an unrestricted technical impact on the modification of the biological nature of a human being. It determines the law enforcement practices in issues of medical intervention in human body in different cultures and countries. This is how humanism and transhumanism can be used both to justify the ban on the death penalty, euthanasia, and birth

control, and to legalize abortions, sex changes, genetic modifications. An attempt to eliminate contradictions between humanism, hedonism and transhumanism is made in the article. The author claims that the true understanding of humanism is impossible without Natural Law Theory. Law as a traditional regulator of social relations cannot afford experiments and must be based on time-tested concepts. In this connection, a contemporary adaptation of Natural Law Theory has been made. The author proposed complex criteria for reasonable intervention in human nature based on a biopsychosocial approach. Since a person actively integrates into interaction with natural, social and technical realities, it seems necessary to talk about the criteria of “natural humanism”, “social humanism” and “technical humanism”. To keep human instincts means to comply with the natural humanism of medical influence on humans. The basic human instincts that should be preserved as vital for the human species include instincts of self-preservation, procreation, posterity care, and a territorial instinct. Respecting the freedom of choice is the next important part of social humanism. A voluntary legal consent is an essential condition for any medical intervention or modification in the human body. Finally, the technical impact on human body has to restore its lost or weakened natural capabilities. Morphological changes and modification of the body’s functions are at risk for the human species. They should not be done without serious medical indications. In conclusion, it is proposed to provide the right to a natural biological status legislatively.

Keywords: humanism, hedonism, transhumanism, Natural Law Theory, Law Ethics, right to one’s body, ethical problems of augmentative medicine

For citation: Tazin, I.I. (2025) Correlation of the moral principles of humanism, hedonism and transhumanism in the natural law theory context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 123–135. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/11

Введение

Гуманистические начала права, пройдя долгий исторический путь от воззрений Античности до идей постиндустриального общества, стали аксиомой современной правовой реальности. Признавая человека и его свободу высшей ценностью, современные мировые правовые системы рассматривают гуманизм как незыблемый системообразующий принцип права. Вместе с тем анализ философско-правовой мысли и практики законодательной деятельности различных стран, выявляет существенные различия и противоречия в понимании природы гуманизма. Идея гуманизма как забота о счастье и благе человека так часто звучала на протяжении последних веков, что постепенно стала утрачивать предметность в своем содержании. Общеупотребительное и повсеместное использование слова «гуманизм» размывало его содержание, делая его эфемерным понятием, нередко «словом-ширмой», далеко не всегда прикрывающим морально допустимые цели, что привело к кризису гуманизма и необходимости поиска путей его трансформации [1].

Неопределенность содержания гуманизма позволяет соотносить его с широким спектром явлений, в том числе с заботой, счастьем, свободой, удовольствием, безопасностью, комфортом. Неоднозначность гуманизма, в свою очередь, осложняет понимание сути теории естественного права, делает проблематичным разработку четких критериев допустимого социально-правового воздействия на человека, что особенно актуально в условиях нестабильной эпидемиологической ситуации в мире [2], перехода к постиндустриальному обществу [3], усиления процессов цифровой трансформации личности [4]. Предупреждение и устранение новых рисков для человека как биосоциального вида требуют предметного анализа гуманизма, его соотно-

шения со смежными моральными принципами и последующей адаптации теории естественного права.

Взаимосвязь идей гуманизма и гедонизма

В самом общем виде под гуманизмом (лат. *humanus* – «человечный») понимается моральный принцип, основывающийся на признании человека высшей ценностью. Основу гуманизма составляет идея о праве человека на счастье. Гуманизм ориентирован на человека, его развитие, реализацию потенциала, справедливость, мир и гармонию [5]. В свою очередь, гедонизм (гр. *hēdonē* – «наслаждение») представляет собой моральный принцип, выражающий стремление индивида к максимальному получению удовольствий и избеганию страданий. Гедонизм преимущественно делает акцент на получение чувственных удовольствий и наслаждений, материального благополучия и комфорта [6].

Будучи антропоцентричными, гуманизм и гедонизм обладают общими точками соприкосновения. Гуманистический подход предполагает, что человек может достигнуть счастья через свое развитие и совершенствование, что при этом не исключает возможности получения удовольствий и наслаждений. Гедонистический подход, в свою очередь, утверждает, что полнота счастья человека реализуется в достижении удовольствий и наслаждений, что также не исключает возможности совершенствования и развития человека. Указанная взаимосвязь неизбежно приводит к взаимодополнению, и как следствие, взаимопроникновению принципов гуманизма и гедонизма.

Провозгласив гуманизм принципом правового регулирования, правовая доктрина и практика применения законодательства различных стран возложили на себя обязанность создания комфортных и безопасных условий существования для человека в обществе. Однако в этом стремлении произошло внешне незаметное смещение с позиции классического гуманизма в сторону ярко выраженного гедонизма, при котором гуманность стала рассматриваться в правовой культуре через призму удовольствия и комфорта для человека. Другими словами, гуманным стало объявляться все то, что нравится человеку, потворствует его желаниям и позволяет испытать ему удовольствие. В условиях открытости проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности личности, общества и государства, данная установка была многократно поддержана мировыми средствами массовой информации посредством систематического воспроизводства идей праздной, красивой, гламурной жизни [7]. Так, постепенно гедонизм стал ведущим критерием качества жизни в современной правовой культуре, обеспечив психологическое замещение в правосознании личности гуманистических идей гедонистическими ценностями.

Несмотря на то что большинству людей, знакомо понятие гуманизма, это не означает что они до конца осознают гуманистические идеи и готовы следовать им. Справедливо отмечается, что в настоящее время человечество не перестает испытывать дисгармонию между гуманистическими притязаниями и возможностью их реализации на практике. Сегодня правосознание молодежи определяется медиаактивностью, социальной средой, спровоцировано требованиями различных неформальных движений и объединений. При этом гуманистическая составляющая правового сознания значительной части мо-

лодежи характеризуется незрелостью [8]. Так, опросы студентов юридического и неюридического профиля в различных вузах г. Томска показывают, что гуманизм ассоциируется у 48% с комфортным уровнем жизни, 34% – со свободой и уважением со стороны окружающих, 12% – с чувством безопасности и уверенностью в завтрашнем дне, 6% – с другим.

Таким образом, в современной правовой культуре общества и правосознании личности отсутствует четкое разграничение морально-нравственных принципов гуманизма и гедонизма.

Трансгуманизм как результат взаимопроникновения гуманизма и гедонизма

В условиях перехода к постиндустриальному обществу диффузия принципов гуманизма и гедонизма продолжилась в рамках течения трансгуманизма. Анализ философской литературы показывает, что трансгуманизм (в переводе с лат. *trans* – «сквозь, через, за», и *homo* – «человек») представляет собой философскую концепцию, систему взглядов, выступающую за необходимость слияния человека и техники в целях совершенствования его биосоциальной природы [9]. Согласно общей концепции трансгуманизма, человек как биологический вид продолжает процесс эволюции посредством конвергенции с техникой, применяемой для устранения нежелательных аспектов биологического существования (в том числе болезней, старости, смерти, ограниченности органов чувств, физических, умственных, психологических возможностей). Конечным результатом этого процесса становится стирание границы между естественным и искусственным. Согласно прогнозам трангуманистов, в то время как некоторые сохраняют за собой право оставаться людьми с расширяющимся и растущим диапазоном доступных возможностей, другие реализуют свое фундаментальное право трансформироваться в новые формы интеллекта, выходящие за пределы феномена человек [10. С. 30]. При этом на замену природному эволюционному развитию в виде естественного отбора придет усовершенствование организма человека посредством социально-технической регуляции, а «человека разумного» заменит «постчеловек» [11. С. 72–73].

Трансгуманизм сохраняет связь с гуманизмом, оставаясь в системе отношений «человек–общество», и одновременно тяготеет к гедонизму, выступая за активное использование технических средств для повышения уровня удовлетворения потребностей человека и улучшения его возможностей. Также, признавая основополагающим стремление человека к счастью, трансгуманизм тем не менее видит способ его достижения не в естественном существовании человека, а в совершенствовании самой его природы, при котором преодолевается человеческая биологическая ограниченность, обуславливающая ощущение «несчастья».

Таким образом, трансгуманизм логически завершает процесс взаимопроникновения принципов гуманизма и гедонизма в контексте использования возможностей технического прогресса. Философия трансгуманизма снимает ограничение в виде отказа от запрета на внесение изменений в фундаментальные основания биологической жизни, создавая предпосылки для легализации вмешательства в биологическую природу человека.

Правовые последствия противоречий гуманизма, гедонизма и трансгуманизма

Эклектическое сочетание принципов классического гуманизма, гедонизма и трансгуманизма привело к отсутствию единого научно обоснованного подхода науки и практики разных стран в решении актуальных правовых вызовов современности. Главное противоречие гуманизма, гедонизма и трансгуманизма заключается в различном понимании категории свободы: в первом случае свобода выступает как возможность существования человека в условиях первозданности его облика; во втором случае свобода человека реализуется в пространстве удовлетворения всего многообразия его потребностей; в третьем варианте свобода раскрывается через преодоление биологических ограничений человеческого организма посредством использования современных технологий [11. С. 70]. Парадокс гуманизма как оценочной категории заключается в том, что он позволяет в равной степени обосновывать противоположные с этической точки зрения правовые решения. Если XX в. ограничивался решением этических дилемм применения смертной казни, эвтаназии, аборт, трансплантологии и донорства, то начало XXI в. с его курсом на построение постиндустриального общества ознаменовалось постановкой новых проблем гендерного многообразия, принудительной медицины, использования вспомогательных репродуктивных технологий, генной модификации и роботизации человека.

Так, наиболее распространенный аргумент против применения смертной казни, эвтаназии, ограничения рождаемости, продолжительности жизни, гендерного многообразия, генной модификации и роботизации человека основывается на классическом гуманистическом положении данности жизни природой и этической недопустимости осуществления с ней каких-либо биологических манипуляций со стороны общества, государства и техники. В то же время этика гедонистического гуманизма, в рамках признания за человеком права на изменение своего тела, используется как положительный довод в пользу легализации добровольного ухода из жизни, выбора пола, аборт, стерилизации [12]. В свою очередь, этика трансгуманизма обеспечивает идейную основу легитимности генной модификации, регулирования рождаемости и продолжительности жизни, создания искусственных органов, слияния человеческого мозга и компьютера в рамках совершенствования эволюционной природы человека [10].

Таким образом, следует констатировать, что стремительный научно-технический прогресс содержит существенные вызовы для философско-правовой мысли в научно обоснованном определении критериев гуманизма в целях недопустимости его размывания иными принципами и идеями. Без адекватного определения границ гуманизма не представляется возможным системное правовое решение текущих и будущих проблем в новой технико-правовой реальности.

Естественно-правовой гуманизм

В условиях новых рисков для человека как биосоциального вида теория естественного права снова приобретает актуальное звучание. Непреходящая историческая ценность теории естественного права заключается в том, что

она видит первоисточник права в природе человека, а не в относительном, непостоянном и нередко произвольном установлении со стороны общества.

Естественно-правовая концепция всегда помогает на переходных состояниях общественного развития, когда рушатся стереотипы прежнего государственного строя и отсутствуют предпосылки нового [13. С. 53]. Весь ход развития человеческой цивилизации можно представить как непрерывный процесс отделения (отрыва) человека от природы, при котором с каждым этапом связь человека и природы становится менее выраженной, а его биологическая сущность претерпевает существенные изменения. Согласно Н.А. Бердяеву, можно установить три стадии в истории человечества: природно-органическую, культурную в собственном смысле и технико-машинную [14. С. 7]. Если жизнь древнего человека преимущественно протекала в природной среде («человек природный»), а жизнь индустриального человека – в городской среде («человек социальный»), то жизнь человека постиндустриального общества неразрывно связана с цифровой средой («человек цифровой»).

По мнению автора, адекватное понимание гуманизма невозможно вне положений теории естественного права. Теория естественных прав и свобод имеет ярко выраженный гуманистический смысл и общечеловеческую значимость [13. С. 46]. Естественно-правовой гуманизм раскрывает дух права, защищая от формального применения буквы закона [15. С. 11] и принятия «неправовых законов» [16].

Критерии естественно-правового гуманизма

Представляется, что критерии современного естественно-правового гуманизма, учитывая его наполненность идеями гедонизма и трансгуманизма, должны носить сбалансированный характер: не отрицать биологическую природу человека, учитывать его желания и потребности, не игнорировать уровень технического развития общества. Теория естественного права не должна дистанцироваться от научно-технического прогресса или носить запретительный характер, исключая любое техническое улучшение человека. Напротив, в условиях невозможности остановить научно-технический прогресс теория естественного права должна активно участвовать в определении пределов его развития. Только таким образом она в состоянии сгладить существующие для человека угрозы.

Поскольку современный человек активно интегрирован во взаимодействие с природной, социальной и технической реальностями, будет оправданно говорить о критериях «природного гуманизма», «социального гуманизма» и «технического гуманизма» соответственно. Природный критерий гуманизма заключается в сохранности базовых человеческих инстинктов, обеспечивающих сохранение и воспроизводство человеческого вида. Социальное требование гуманизма заключено в сохранности свободы воли и выбора личности, обеспечивающих социальную автономию личности. Технический элемент гуманизма предполагает сохранность технического обеспечения благоприятных условий для реализации естественного человеческого потенциала. Данные критерии, по мнению автора, должны комплексно применяться для оценки гуманности технико-правового воздействия на личность. Другими словами, допустимо любое технико-правовое воздействие на человека, если

оно не ослабляет его инстинкты, совершенно с его согласия и создает благоприятные условия для реализации его естественного потенциала.

Сохранность инстинктов как критерий «природного гуманизма»

Современный человек является носителем небольшого количества остаточных инстинктов, среди которых инстинкт самосохранения, инстинкт продолжения рода, инстинкт заботы о собственном потомстве, территориальный инстинкт. Несмотря на то что инстинкты при стечении неблагоприятных социальных факторов способны обуславливать противоправное поведение личности, их сохранность является необходимым условием для стабильного функционирования общества и техники в долгосрочной перспективе. Необходимо учитывать, что устойчивое развитие общества и техники, как производных от природы искусственных систем, не может быть гарантировано. При таком подходе человек, лишенный базовых инстинктов, чрезмерно зависимый от общества и техники, остается беспомощным перед непредвиденными ситуациями природного, социального и техногенного характера. Изложенное согласуется с положениями международного права, согласно которым поддержание и восстановление популяций жизнеспособных видов в их естественных условиях является главным принципом сохранения биологического многообразия¹.

В условиях перехода к постиндустриальному обществу в научной литературе уже предпринята естественно-правовая попытка обоснования необходимости сохранения следующих способностей человека: а) способность к самосохранению личности; б) способность к сохранению потомков (самосохранению рода); в) способность к сохранению этноса (самосохранению нации); г) способность к сохранению вида (самосохранению человечества как биологического вида); д) способность к сохранению разумной жизни (самосохранению разума независимо от формы его существования) [17. С. 51].

При таких обстоятельствах, по мнению автора, гуманным и правоммерным представляется только такое технико-правовое воздействие на человека, которое не нарушает сохранности его инстинктов самосохранения, продолжения рода, заботы о собственном потомстве, а также качеств его разумной психики. В свете изложенного, например, переливание крови, протезирование, эстетическая медицина могут рассматриваться как гуманная медицинская операция, в то время как эвтаназия, смена пола, клонирование не могут считаться таковыми.

Сохранность свободы выбора как критерий социального гуманизма

В силу естественного права на свободу сохранение возможности отказа от технико-правового воздействия в отношении самого себя и своего тела является бесспорным, что находит подтверждение в международном праве². Личность может подвергнуться технико-правовому воздействию только при

¹ Преамбула Конвенции Организации Объединенных Наций о биологическом разнообразии, принятой в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г.

² См. ч. 1 ст. 6 Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, принятой резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 г.; ст. 5 Конвенции о правах человека и биомедицине, утвержденной Советом Европы 4 апреля 1997 г.

наличии ее информированного добровольного согласия, если это отвечает ее потребностям и не имеет для нее медицинских противопоказаний [18]. При этом следует избегать формального подхода к соблюдению данного критерия: наличие выраженного согласия не должно исключать проверки соблюдения иных критериев гуманизма в процессе технического вмешательства. При таких обстоятельствах принудительная медицина, обязательная биометрия, обязательное использование средств технического контроля не могут рассматриваться как гуманная технико-правовая операция.

***Сохранность технического обеспечения благоприятных условий
для реализации естественного человеческого потенциала
как критерий «технического гуманизма»***

Техника направлена на преодоление существующих ограничений способностей и возможностей человека как врожденного, так и приобретенного характера, в том числе сформированных в процессе эволюции. Вместе с тем, с позиции естественно-правового гуманизма, технико-правовое воздействие должно носить преимущественно восстановительно-развивающий характер, т.е. быть направленным на восстановление утраченных (ослабленных) функций или развертывание уже имеющегося потенциала (задатков) человека как биосоцио-психодуховного существа. Представляется, что такое воздействие не должно изменять природы человека как биологического вида, т.е. приносить в него нехарактерные для него свойства и функции. В этом смысле следует различать «человека здорового» и «человека улучшенного» [19. С. 41], лечение и самоулучшение [20. С. 145], лечебную и дополняющую медицину [12]. Так, допустимо техническое улучшение биологической сферы человек в части восстановления утраченных функций организма (например, протезирование), социальной сферы в направлении повышения социализации личности (например, использование системы социального рейтинга), психической сферы в части восстановления утраченных функций психики (например, использование средств нейроинтерфейса), но недопустимо генетическое редактирование человека в части изменений его внешнего вида, обмена веществ, уровня физической силы, умственных способностей¹. В этом отношении автор солидарен с позицией Д.А. Иезуткина, согласно которой, выход техники за пределы создания благоприятных условий для реализации естественного человеческого потенциала неизбежно приведет к отчуждению природы человеческого тела от эволюционно сложившихся механизмов функционирования, к разрушению автономии духовно-телесного пространства и утрате самоидентификации индивидуума [21. С. 79].

В юридической литературе уже предпринята попытка построить коммуникацию между доктриной естественного права и философией трансгуманизма применительно к вспомогательным репродуктивным технологиям, по результатам которой авторы приходят к выводу о юридической допустимости асексуальной искусственной репродукции неопределенного круга лиц, в рамках которой человеческое размножение будет осуществляться в лабора-

¹ Статья 13 Конвенции о правах человека и биомедицине устанавливает, что вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека.

торных условиях без необходимости личных контактов владельцев генетического материала [19. С. 150–151]. Представляется, что такое правовое решение не отвечает критерию «технического гуманизма», а также создает риски ослабления инстинкта продолжения рода. Справедливо ограничивать применение вспомогательных репродуктивных технологий только в отношении лиц, страдающих бесплодием¹.

Право на естественный биологический статус в структуре соматических прав человека

Развитие биотехнологий позволяет говорить о формировании института биологических (соматических) прав человека. В связи с незавершенностью данного процесса отсутствует определенность относительно объема этих прав. Так, к относительно признанным соматическим правам принято относить право на жизнь, право на отдых и сон, право на личную неприкосновенность, право на свободу от пыток, право на телесную целостность, право на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду, право на материнство и отцовство и др. [22. С. 50]. Большая часть из этих прав закрепляется на уровне основных законов государств. К спорным соматическим правам могут быть отнесены: право на смерть, право на генную терапию, право на смену пола, право на использование репродуктивных технологий, право на аборт, право на клонирование и др. [22. С. 51]. Значительная часть этих прав по-прежнему является предметом научных дискуссий. Опираясь на правовую культуру, отражающую различное соотношение моральных принципов гуманизма, гедонизма и трансгуманизма, каждая конкретная страна определяет индивидуальную структуру соматических прав человека.

Безусловно, разработка матрицы соматических прав представляется важной задачей законотворческой деятельности. Вместе с тем теоретическое обоснование структуры таких прав выходит за пределы предмета настоящей статьи. Представляется, что при решении данной задачи могут быть использованы ранее обозначенные критерии естественно-правового гуманизма, которые предметно позволяют оценить каждое из дискуссионных прав с точки зрения допустимости их законодательного закрепления. Несмотря на то что определение перечня соматических прав в законодательстве разных стран, в конечном итоге, будет зависеть от множества социально-культурных, экономических, технических и политических факторов, представляется необходимым включение в их базовую структуру права на сохранение и защиту естественного биологического статуса. Данное право может быть также поименовано как «право на самосохранение в природном виде» [23. С. 165], «право на защиту от неправомерного вмешательства в биологическую природу» [22. С. 51], «право на биологическую безопасность» [24. С. 103], «право на биологическую идентичность и генетическую неприкосновенность» [25. С. 34].

Заключение

Таким образом, понимание современного гуманизма невозможно в его отрыве от гедонизма и трансгуманизма. Решение проблемы взаимопроникно-

¹ Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 01.02.2018) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

вления данных принципов видится в выстраивании баланса между ними. Обеспечение равновесия принципов гуманизма, гедонизма и трансгуманизма, по мнению автора, возможно в рамках модернизации теории естественного права. Естественного-правовой гуманизм должен быть понят как юридическая недопустимость ослабления биологической природы человека как со стороны общества, государства и техники, так и со стороны самого человека или с его согласия, при равной допустимости технического восстановления утраченных или ослабленных свойств человека, необходимых для реализации его естественного потенциала. Представляется, что право на естественный биологический статус должно быть закреплено на уровне Основного закона (конституции) государства и квалифицироваться как неотчуждаемое наряду с другими естественными (основными) правами.

Список источников

1. *Thomas Schwarz Wender, Cheryl Mattingly.* Toward a new humanism: An approach from philosophical anthropology // *Journal of Ethnographic Theory.* 2018. Vol. 8, Is. 1–2. P. 144–157. doi: 10.1086/698361
2. *Аничкин Е.С.* Конституционный статус человека и гражданина в условиях пандемии коронавирусной инфекции: векторы трансформации в России // *Правоприменение.* 2021. Т. 5, № 3. С. 101–111. doi: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).101-111
3. *Кузьмин В.В.* Информационные риски в постиндустриальном обществе // *Грамота.* 2018. № 9 (95). С. 67–71. doi: 10.30853/manuscript.2018-9.14
4. *Степанов О.А., Степанов М.М.* Правовое регулирование генезиса цифровой личности // *Правоприменение.* 2022. Т. 6, № 3. С. 19–32. doi: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).19-32
5. *Новейший философский словарь* / под ред. А.А. Грицанова. Минск : Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
6. *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. / под ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина. М. : Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.
7. *Тазин И.И.* Правовое обеспечение информационно-психологической безопасности несовершеннолетних // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2012. Вып. 6 (121). С. 215–220. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/tazin_i_i_220_225_6_121_2012.pdf/ (дата обращения: 12.03.2025).
8. *Miller V.I.* Value of humanistic grounds in the field of legal education of youth // *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* 2015. Vol. 166. P. 427–433. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.12.548
9. *Нафикова А.И.* Трансгуманизм как современная концепция социального развития // *Современные проблемы науки и образования.* 2015. № 2, ч. 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22306> (дата обращения: 12.03.2025).
10. *Будник Р.А.* Правовой базис трансгуманизма: хартия и билль о правах // *Информационное общество.* 2022. № 1. С. 26–37. URL: <http://infosoc.iis.ru/article/view/712> (дата обращения: 12.03.2025).
11. *Васенкин А.В., Васильева Н.А.* Трансгуманизм как проявление постчеловеческого в современном обществе // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.* 2018. Т. 7, № 1А. С. 69–75.
12. *Sandberg A.* Morphological Freedom – Why We not just Want it, but Need it // *TransVision Conference.* Berlin. 2001. URL: <http://www.aleph.se/Nada/Texts/MorphologicalFreedom.htm> (accessed: 12.03.2025).
13. *Фролова Е.В.* Теория естественного права (предметный аспект) // *Государство и право.* 2015. № 4. С. 45–53. URL: <http://gospravo-journal.ru/s1026-94520000616-5-1-ru-327> (дата обращения: 12.03.2025).
14. *Berdyaev N.A.* Man and Machine (the Problem of Sociology and the Metaphysics of Technology) (translation by Walker Trimble) // *Technology and Language.* 2023. Vol. 4, Is. 2. P. 7–26. doi: 10.48417/technolang.2023.02.02
15. *Сорокин В.В.* Дух права и буква закона: характер соотношения // *Правоприменение.* 2021. Т. 5, № 2. С. 5–15. doi: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).5-15

16. Бирюков С.В., Бирюкова Т.А. Неправовой закон: проблемы его установления и применения (теоретический аспект) // Правоприменение. 2018. Т. 2, № 4. С. 16–24. doi: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).16-24
17. Шидловский А.В., Задорин М.Ю. Естественное право и искусственный интеллект: на пути к «цифровому Кембрийскому взрыву» // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 3. С. 39–53. doi: 10.18384/2310-6794-2021-3-39-53
18. Бояринова В.И. Правовая природа информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16, № 4. С. 115–124. doi: 10.24147/1990-5173.2019.16(4).115-124
19. Федорин В.В. Генетическое редактирование человека: перспективы, неизбежность и вопрос морально-этической оправданности // Философская мысль. 2020. № 12. С. 30–41. doi: 10.25136/2409-8728.2020.12.34403
20. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Доктрина естественного права и философия трансгуманизма: возможность коммуникации // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2014. № 2. С. 143–152. doi: 10.7256/1729-5920.2014.2.10192
21. Иезуткин Д.А. Человеческое тело как объект биомедицинских технологий: философские и этические аспекты // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 2. С. 76–80. doi: 10.25136/2409-8728.2020.12.34403
22. Третьякова Е.С. Теоретико-правовой анализ соматических прав человека // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 4. С. 46–56. doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-4-5
23. Тырина М.П. Биологические права и свободы человека в современном законодательстве // Вестник Мариупольского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 3–4. С. 154–165.
24. Сапельченко Н.Е. Право на биобезопасность и право на неприкосновенность личности в системе охраны здоровья, обеспечения населения безопасной окружающей средой // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 100–106. doi: 10.18384/2949-513X-2023-3-100-106
25. Умнова-Конохова И.А., Алешикова И.А. Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 34–35. doi: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.034-045

References

1. Wender, T.S. & Mattingly, C. (2018) Toward a new humanism: An approach from philosophical anthropology. *Journal of Ethnographic Theory*. 8(1–2). pp. 144–157. DOI: 10.1086/698361
2. Anichkin, E.S. (2021) Konstitutsionnyy status cheloveka i grazhdanina v usloviyakh pandemii koronavirusnoy infektsii: vektory transformatsii v Rossii [Constitutional status of an individual in the context of coronavirus pandemic: Vectors of transformation in Russia]. *Pravoprimeneniye*. 5(3). pp. 101–111. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).101-111
3. Kuzmin, V.V. (2018) Informatsionnye riski v postindustrial'nom obshchestve [Information risks in post-industrial society]. *Gramota*. 9(95). pp. 67–71. DOI: 10.30853/manuscript.2018-9.14
4. Stepanov, O.A. & Stepanov, M.M. (2022) Pravovoe regulirovanie genezisa tsifrovoy lichnosti [Legal regulation of the genesis of digital identity]. *Pravoprimeneniye*. 6(3). pp. 19–32. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).19-32
5. Gritsanov, A.A. (ed.) (1998) *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [The Latest Philosophical Dictionary]. Minsk: Skakun.
6. Stepin, V.S., Guseynov, A.A. & Semigin, G.Yu. (eds) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl'.
7. Tazin, I.I. (2012) Pravovoe obespechenie informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti nesovershennoletnikh [Legal regulation of information and psychological safety of minors]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(121). pp. 215–220. [Online] Available from: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/tazin_i_i._220_225_6_121_2012.pdf (Accessed: 12th March 2024).
8. Miller, V.I. (2015) Value of humanistic grounds in the field of legal education of youth. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 166. pp. 427–433. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.548
9. Nafikova, A.I. (2015) Transgumanizm kak sovremennaya kontseptsiya sotsial'nogo razvitiya [Transhumanism as a Modern Concept of Social Development]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2(2). [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22306> (Accessed: 12th March 2024).

10. Budnik, R.A. (2022) Pravovoy bazis transgumanizma: khartiya i bill' o pravakh [Legal basis of transhumanism: Charter and Bill of Rights]. *Informatsionnoe obshchestvo*. 1. pp. 26–37. [Online] Available from: <http://infosoc.iis.ru/article/view/712> (Accessed: 12th March 2024).
11. Vasenkin, A.V. & Vasilieva, N.A. (2018) Transgumanizm kak proyavlenie postchelovecheskogo v sovremennom obshchestve [Transhumanism as a manifestation of the posthuman in modern society]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 7(1A). pp. 69–75.
12. Sandberg, A. (2001) Morphological Freedom – Why We not just Want it, but Need it. *TransVision Conference*. Berlin. [Online] Available from: <http://www.aleph.se/Nada/Texts/MorphologicalFreedom.htm> (Accessed: 6th March 2024).
13. Frolova, E.V. (2015) Teoriya estestvennogo prava (predmetnyy aspekt) [Theory of natural law (subject aspect)]. *Gosudarstvo i pravo*. 4. pp. 45–53. [Online] Available from: <http://gospravojournal.ru/s1026-94520000616-5-1-ru-327> (Accessed: 12th March 2024).
14. Berdyayev, N.A. (2023) Chelovek i mashina (problema sociologii i metafiziki tekhniki) [Man and Machine (The Problem of Sociology and the Metaphysics of Technology)]. *Tekhnologii v infosfere*. 4(2). pp. 7–26. DOI: 10.48417/technolang.2023.02.02
15. Sorokin, V.V. (2021) Dukh prava i bukva zakona: kharakter sootnosheniya [The spirit of the law versus the letter of the law: The nature of correlation]. *Pravoprimerenie*. 5(2). pp. 5–15. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).5-15
16. Biryukov, S.V. & Biryukova, T.A. (2018) Nepravovoy zakon: problemy ego ustanovleniya i primeneniya (teoreticheskiy aspekt) [Non-legal rules: Problems of their determination and enforcement (theoretical aspect)]. *Pravoprimerenie*. 2(4). pp. 16–24. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).16-24
17. Shidlovskiy, A.V. & Zadorin, M.Yu. (2021) Estestvenno pravo i iskusstvennyy intellekt: na puti k "tsifrovomu Kembriyskomu vzryvu" [Natural law and artificial intelligence: towards a "digital Cambrian explosion"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 3. pp. 39–53. DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-39-53
18. Boyarinova, V.I. (2019) Pravovaya priroda informirovannogo dobrovol'nogo soglasiya na me-ditsinskoe vmeshatel'stvo [Legal nature of informed voluntary consent for medical intervention]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 16(4). pp. 115–124. DOI: 10.24147/1990-5173.2019.16(4).115-124
19. Fedorin, V.V. (2020) Geneticheskoe redaktsirovanie cheloveka: perspektivy, neizbezhnost' i vopros moral'no-eticheskoy opravdannosti [Genetic modification of the human: Prospects, inevitability, and the question of moral and ethical justification]. *Filosofskaya mysl'*. 12. pp. 30–41. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.12.34403
20. Rybakov, O.Yu. & Tikhonova, S.V. (2014) Doktrina estestvennogo prava i filosofiya transgumanizma: vozmozhnost' kommunikatsii [The doctrine of natural law and the philosophy of transhumanism: The possibility of communication]. *LEX RUSSICA*. 2. pp. 143–152. DOI: 10.7256/1729-5920.2014.2.10192
21. Iezutkin, D.A. (2018) Chelovecheskoe telo kak ob"ekt biomeditsinskikh tekhnologiy: filosofskie i eticheskie aspekty [The human body as an object of biomedical technologies: Philosophical and ethical aspects]. *Gumanitarnyy vector*. 13(2). pp. 76–80. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-76-81
22. Tretyakova, E.S. (2023) Teoretiko-pravovoy analiz somaticheskikh prav cheloveka [Theoretical and legal analysis of somatic human rights]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 11(4). pp. 46–56. DOI: 10.21685/2307-9525-2023-11-4-5
23. Tyrina, M.P. (2012) Biologicheskie prava i svobody cheloveka v sovremennom zakonodatel'stve [Biological rights and human freedoms in modern legislation]. *Visnik Mariupol'skogo derzhavnogo universitetu. Seriya: Pravo*. 3–4. pp. 154–165.
24. Sapelchenko, N.E. (2023) Pravo na biobezопасnost' i pravo na neprikosновенност' lichnosti v sisteme okhrany zdorov'ya, obespecheniya naseleniya bezопасnoy okruzhayushchey sredoy [The right to biosafety and the right to personal integrity in the health care system, providing the population with a safe environment]. *Moskovskiy yuridicheskiy zhurnal*. 3. pp. 100–106. DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-100-106
25. Umnova-Konyukhova, I.A. & Aleshkova, I.A. (2022) Vliyaniye nauchno-tekhnicheskogo progressa v biotekhnologiyakh na prava cheloveka i printsipy prava [The impact of scientific and technological progress in biotechnology on human rights and principles of law]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 10. pp. 34–35. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.034-045

Сведения об авторе:

Тазин И.И. – кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного, гражданского права и правового обеспечения инновационной деятельности Томского государственного

го университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: igor.i.tazin@tusur.ru
SPIN-код РИНЦ: 2559-5552; AuthorID: 702563; Scopus AuthorID: 57212034644

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tazin I.I. – Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Information, Civil Law and Legal Support for Innovation Activities, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: igor.i.tazin@tusur.ru
SPIN-code RSCI: 2559-5552; AuthorID: 702563; Scopus AuthorID: 57212034644

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 24.02.2025;
approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 17.04.2025*